

Дмитрий Раевский

**ТИШИНА
ФРАГМЕНТЫ**

16+

Дмитрий Раевский
Тишина. Фрагменты

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Раевский Д.

Тишина. Фрагменты / Д. Раевский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1522-4

Тишина - неотъемлемая спутница человека: с её помощью он беседует с Богом, познаёт себя, доискивается до истоков своих волнений и переживаний, разбирается в себе, составляя жизнь из фрагментов и каждый из них неслучаен. Три книги под одной обложкой. Три Мира. Три измерения. Открой новое. В окружающем, в себе и для себя.

ISBN 978-5-5321-1522-4

© Раевский Д., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Тишина	7
Как любовь попадает на землю	7
Ветер	10
Житель Теснин	11
Дух	12
Вслед за машиной	13
Проживаемое	14
Детские рисунки	15
Дискобол	16
Аквариум	17
Взгляд вовнутрь	18
Всесожжение	19
Опустошение	20
Вечная любовь	21
Замалчивание	22
Песочные часы	23
Шестой Океан	24
Пещера	25
Прощание	26
Надежда	27
Тетрадь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Раевский

Живу в городе Хабаровске – столице Дальнего Востока. Являюсь номинантом премии «Поэт года 2014, 2017».

К настоящему времени выпустил:

- сборник стихотворений «Страна контрастов» (2012);
- сборник стихотворений и рассказов «Душа» (2014);
- сборник стихотворений и рассказов «Океаны» (2016).

Сборники стихотворений с другими авторами:

- «Меланхолия» (с Джулией Роуз);
- «Вдох Мгновения» (с Алиной Масловской);
- «Вре́мён Течение Речное» (с Натальей Кузницыной);

- «Другое Видение» (с Леонидом Чернышовым);
- «К западу от Солнца» (с Мариной Хреновой);
- «Лунная песня» (с Анастасией Зацепиной);
- «Мечты о Светлом или Кем мы стали» (Алена Антонова, Александр Елева);
- «Мир исполнен узорами мелодий и Света» (с Ольгой Назаренко);
- «Музыка Дождей» (с Евгенией Холодной);
- «Ненаречённое» (Анна Светлова);
- «Танцующие огни» (с Мариной Шевченко);
- «Тишина Разбитых Окон» (с Любой Кирелиаускене);

Меня вдохновляют сочетания красок, калейдоскоп событий, окружающий и внутренний миры – всё то, что в них происходит.

Часть 1. Тишина

Как любовь попадает на землю

В сером небе наметился прогал, и в свободное окно летела птица. Взмахи крыльев отодвигают облака, глаза наполнены светом и смотрят вперед, на восток, на восход, где немеркнувшей звездой горит солнце. Её тело словно состоит из этого льющегося света настолько, что видны лишь контуры.

Откуда она? Куда путь держит?

Владислав Ильич в это время караулил уток в замаскированном схроне. Увидав неизвестную птицу, он решил было, пусть себе летит, но что-то начало грызть и, почувствовав, что будет жалеть, если упустит, поднял ружье, прицелился и спустил курок.

Дернувшись, она упала на землю с громким шлепком о воду, а верный пес Акташ принес в зубах и положи под ноги.

Это была Любовь.

* * *

Красивая девушка лежала, раскинув руки в стороны. Кровь сочилась из раны, заливая весь каменный алтарь, струясь по выдолбленным канавкам.

Светлое чувство пытаются опорочить.

Вечер откровений

Не поймите меня неправильно насчет того, что я собираюсь сейчас сделать. Мне хочется поговорить обо всем подряд. Обо всем, что интересно и что заинтересует вас.

Сколько ни опрашивал, не получил конкретного ответа. Что ж, вы сами вручили мне шанс. Так позвольте же им воспользоваться.

Быть – не означает для человека, что его обязанности, интересы, вещи выстраиваются в круг и логическая цепочка цепляется за зарабатывание денег, а на другой стороне – продление рода.

Кажется смешной складывающаяся картина: окончил университет – нашел работу – создал семью – сделал счастливой жену – она родила ребенка и всё. Как говорится, вахту сдал, работу выполнил. Теперь можно и отдохнуть.

А между этим всем что-то наполняет дни. Что-то очень важное, что не облечь в слова, но остающееся без внимания, неоценённое. По этому самому потом вспыхивает иногда ностальгия, а повторить не получается. Сожаление.

Наблюдая, как появляется свет в окнах домов, испытываю разочарование оттого, что этот свет не проникает в душу, не гнездится там и не приумножается. Они мне видятся норами крыс, прогрызших фундамент. Их ничего не касается. Им безразлично то, что не затрагивает и не оказывает малейшего влияния на них же.

Слабаками называют добрых и не особо вышедших телом, умными – кто сумел обмануть с пользой для себя; ботаниками – нашедших новые пути решения.

Идущих своим путем, отличным от вековых стандартов, но не преступающих рамки, ни очерченные Богом, ни поправшие ценности и идеалы – странными.

Критиков – тех, кто даже не пробовал, хватает во как – выше крыши.

Только и могут, что говорить. А припрешь к стенке – молчат или начинают искать отмазки и вертеться ужом на раскаленной сковородке. Зачем тогда засорять воздух?

Желание поговорить затмевает мысли. Просто поговорить, а не пообщаться.

Почему-то трудно стало знакомиться. Люди стали изошренными садистами, проверяющими бредовые фантазии, ищущие жертву. Предложи всего лишь обмен новостями, но собеседник, раз за разом будет уходить от темы, и ничего не остается, как прекратить разговор, к полному его непониманию.

Давайте сведем диалог к обмену тремя предложениями в разных вариациях с таким общим смыслом: Привет (дань вежливости).

Все хорошо (у меня дела обстоят хорошо, а подробности знать необязательно). А ты как? (желание припрятать радостные новости и узнать больше у собеседника – вдруг нащупаю его слабые места?). К чему придем?

Попытаемся выйти из ситуации: как бэйджик будем носить анкеты с датой Рождения, интересами и т.д.

Может еще будем лепить друг на друга наклейки – репосты так называемые, залазить друг другу в голову, помешивая рукой, как ложкой, суп в тарелке, пытаюсь вытащить и найти интересное для себя?

Интонации медленно отмирают, как и чувства. Переписка на расстоянии, (даже не письма), не позволяет распознать оттенки чувств, вложенные в слова, хоть как-то интерпретировать, объяснить, понять. Понять не только их, но и человека, написавшего их.

Девушка провстречалась с кучей парней и не выбрала ни одного, но куча незабываемых моментов – орден «Собирательница генофонда» в студию!

Парень осчастливил несколько девушек, но, ни с одной не остался – вручить ему орден «Орел»!

Вот спрашиваем другого: «Как твои дела?»), привыкнув так заводить разговор, но спрашиваем-то человека не о нём самом, а о состоянии его дел, о новостях, чему он был очевидцем.

Нам интересны, к сожалению, гораздо больше новости, события, чем сам человек, рассказывающий о них...

Благодарю за проведенный вечер и до новых встреч.

Гипноз

Куда не помотришь, не отвяжешься от чувства. Словно не хватает внимания. Вот только кому?

Каждая деталь, сделанная руками или распечатанная с программы, призвана удержать как можно дольше внимание, заместить, оттеснить ценное тобой.

Показать наглядно на красноречивых специальных моделях, что ты заблуждаешься и очень долгое время: покупаешь не той фирмы технику, покупаешь не в том магазине продукты и одежду.

Мысли, словно выстроившись в шеренгу, толпятся, пихают друг друга локтями, завязывают драки, даже пожирают соплеменника, лишь бы поймать взгляд.

Нравится ли тебе, когда они воплощаются, становятся видимыми? Отличишь ли полезные от вредных?

Частью чего они раньше были?

Возьми, какие считаешь полезными, и тогда они расширят твоё восприятие мира, и ты удивишься тому, сколь много еще не видишь.

Воздушный змей

Прикрыв глаза рукой от палящего солнца, Керим наблюдал, как он парил, запущенный с земли.

Стремительный, разбивал о себя потоки воздуха, минуя изменчивость на зло превратностям.

Пытался подняться, но сила притяжения и ветра преградили дорогу и не пускали выше дальше.

Как понять вырос ли ты, если не поддерживают? Как понять на что ты способен, если не вдохновляют?

Немного погода, сдвигается в сторону. Или просто движется вдоль по границе?

Наблюдая за ним, начинает казаться, что он оживает: сомневается, дергается из стороны в сторону.

Однажды приходится отпускать птенцов из гнезда, чтобы они научились летать.

Сотовый телефон плюхнулся в воду, пролетев по дуге, упал на дно вместе со всем плохим.

Отпустило.

Улыбаясь, Керим с наслаждением, медленно, пошел гулять по проспекту.

Двойник

Кто-то идет вместе со мной. Не вижу, но чувствую.

Говорит мои слова моим же голосом с моими интонациями и таким же выражением лица.

Используя мои жесты, привычки, вкусы вмешивается своевольно, неожиданно и резко. Тогда, когда меньше всего ожидаю.

Потрясающее мастерство.

А потом, принимая последствия наломанных им дров, пытаюсь свести ущерб к минимуму.

Проходя мимо предмета, человека, становится на миг его тенью. Но увидевший думает, что это я!

Есть единственное и, оттого, очень важное отличие между нами: его создала толпа и потому управляет им, не задумывающимся и существующим ради момента, а я разобрался в себе и познаю, и правлю свою душу.

Сумей распознать обман.

Ролик

Нажата кнопка питания. Электрический импульс, заточенный в замкнутый контур, несется, активируя его.

Загорается экран. Взгляд проясняется и начинает движение.

У меня ничего нет.

Слышу.

Вижу.

Ощущаю.

Мыслю.

Говорю.

Актёр и режиссёр в одном лице.

Словно существую.

Но, даже если меня нет, я всё равно существую.

Ветер

Волны врезаются в побережья. Солнце выложено из песка – раскинувшаяся пустыня.

Ветер шелестит, будто перебирает пальцами каждую песчинку, отсортировывая по размеру, цвету, весу, форму и звуку, дует всё время, и никто не знает, что похоронил он здесь, в этих ревностно охраняемых им местах. Удушающий, обжигающий, насобиравший пыль на других клочках суши обрушивается невыносимым зноем. Спасения нет даже в тени. Достигая штормовой силы, действует угнетающе.

Обыкновенно, после весеннего равноденствия, со сменой настроения приходит хамсин, поднимающий и перемешивающий песок с пылью юга на протяжении 50 дней, перемалывая, измельчая, изматывая себя, чтобы испытать душевное облегчение, уйдя в горы.

Возвратившись с высокогорий, быстро опускается вниз по сравнительно узким межгорным долинам, постепенно нагреваясь и становится фёном – сильным, порывистым, теплым и сухим ветром, резко изменяя температуру и влажность.

Затем, спустя некоторое время, найдет себе занятие, упершись немалыми силами в гору. Теплота уходит и, холодный, суровый, обрушивается с огромной силой на побережье.

Падая на поверхность воды, этот нисходящий поток вызывает штормовой ветер, вызывающий сильное волнение на море. При этом резко понижается температура воздуха, которая перед началом боры была над теплым морем достаточно высокой, нанося разрушения городам.

Ему не узнать покоя.

Житель Теснин

Из предлагаемого и предложенного многое лишнее: не пригодится и не понадобится.

Умысел в том, чтобы вырвать хранимое. Красота радует глаз, и ослепляет ум, а площади показывают объем.

Находясь на них, теряешься, впечатленный. Так недалеко и забыть, кто же ты есть и из каких частей состоишь.

Что, в принципе, и происходит.

Узкие пространства – отрезки пути, зажимающие подобно скалам между ограничений. Чтобы ощутили себя, приучили к самостоятельности – к большему или меньшему одиночеству души, открыв новое.

Обустривая свой угол, привыкаешь к чистоте, искренности и честности по отношению к самому себе, и именно поэтому поднимаешь голову, заметив краем глаза черное пятно – вдруг это ложь?

Дух

Человек сидел на стуле, связанный по рукам и ногам. Синяки и ожоги покрывали его тело и местами виднелись кости.

Пытки. Это единственное, что он помнил. В чем был ещё уверен, так это в том, что его имя – Вирм и пытаются для того, чтобы вызнать секрет быстрого движения: никто не мог сравниться с ним в скорости.

«Итак, – снова начал опытный палач – скажешь ли мне свой секрет? Скажи и я тебя отпущу».

«Черта с два!»

«Ты скажешь – уверил палач и предложил: Выбирай, что сломать: ногу или руку? У тебя аж четыре варианта. Стоит ли секрет таких мучений?»

В ответ Вирм расхохотался от души, и вышел из себя.

Больше его ничего не держало.

Вслед за машиной

Еду за машиной, повинуюсь дороге. Пролетающие навстречу также выбрали себе ориентиром какой-то автомобиль. Мне достался грузовик, перевозящий продуктовые товары.

По сторонам поля упираются в лес. Двигатель работает и незаметно толкает вперед тележку на четырех колесах вслед за грузовиком. Не задумываясь, следишь за ним, и тут начинают твориться странные вещи.

Начав движение из точки А, забываешь с какой целью требовалось ехать в точку Б. Едешь себе и едешь. Затем не помнишь, куда тебе надо добраться и где находится пресловутая точка Б. Потом теряется смысл следования за грузовиком. Может быть, он следует в пункт, расположенный вовсе не там, куда требуется попасть?

Проходит время, но и тот, кто едет за впереди идущей машиной и не задумается, зачем ему это надо и для чего. Он будет по привычке нажимать на газ и так и не поймет, не узнает, что мог бы сделать свою жизнь гораздо более интересной.

Проживаемое

Спящий город неохотно пробуждается от сна. Будто провинившийся, рассвет приближается робкими шагами, прогоняя, заставляя пятиться тьму, скрывающую в облаках звезды.

Небо не такое холодное, пугающее, отстраненное светлеет, проявляя кристальную чистоту красок, легкость и воздушность.

Равномерно раскрашенный и однородный желтый диск тяжелый и степенный незаметно быстро шествует по бескрайности и, когда бы ни подняли глаза, он находится посередине.

Ветер дует протяжно и сильно, обдувая лица, сдувает пыль и мусор, назойливые печальные, грустные, негативные мысли, равнодушие, отрывая от земли.

Ему одному ведомы дали, и как же хочется, запрыгнув на него как на скакуна, со смехом умчаться и посмотреть другие земли и выбрать те, что нравятся!

Появляются стаи птиц, временами присаживающиеся на площадях и памятниках. Машины мчатся, сигналият, гудят. Светофоры мигают, как научили, реклама включает всё имеющееся обаяние рисунков, картинок и надписей. Люди – как тополиный пух.

Деревья качаются, воздев ветви, как руки, в мольбе: передают собственные и травы чаяния о том, чтобы услышали, помогли, изменили, облегчили участь.

На бельевых веревках сушатся развешенные вещи.

День подходит к завершению. Постепенно становятся видны первые звезды в той части, откуда ушел, налившись яростью, криками, болью и гневом ошпаренный закат.

Через полные тоски окна-глаза домов смотрят удрученно-завидующие. Счастливики бредут по улице с надеждой на отдых.

Отягощенные заделами на завтрашний день, нагруженные думами, несущие пакеты с чем-то важным для себя, они похожи на измученных мулов, впряженных в повозку и понукаемых бессердечным погонщиком.

Зажигаются огни. Темнота поедает краски и на небосклон выплывает сверкающий, белый диск, приковывающий к себе внимание.

Миллионы глаз остро ощущают разницу между: чего не хватает, что нужно для этого и текущее положение дел, страхась наступления следующего дня.

Детские рисунки

День без хлопот, вроде как, и не день вовсе. Включив телевизор, Маргарита Павловна готовила ужин. Несколько дней назад она услышала, что будет проводиться выставка картин земляка, и, поэтому, торопилась посетить её до закрытия.

Дело сделано и пришло время сборов. «Быстрее!» – подгоняла себя радушная хозяйка квартиры. Старость – не радость.

Пока привела себя в порядок, пока насмотрелась на отражение в зеркале и сменила наряды, прошло полтора часа.

Уже не двадцать, а привычки те же и никуда не денешься.

Наконец, шагнула за порог, погасив свет и закрыв дверь.

Добравшись, она была приятно удивлена: помимо картин, там оказались и детские рисунки.

Вспомнился сын, уехавший учиться на запад. Как он там?

Часовые пояса полосуют сердце.

Пройдясь и получив удовольствие от просмотренных натюрмортов и пейзажей, поднимающих со дна памяти порядком подзабытые, покрывшиеся пылью воспоминания, заставляющие невольно улыбнуться или, наоборот, взгрустнуть, Маргарита Павловна начала ходить по галерее с рисунками.

Переходя от одного к другому, она дивилась совершенной непохожести рисунков, стиля, несущих в себе видение автора. На листе бумаги грубые линии сдерживают буйства красок и цветов. Несоразмерные туловища и головы, и эти чистые, открытые и, одновременно пугающие глаза, достающие своим взглядом до неисследованных и хорошо знакомых глубин души, узнаваемых совсем в другом свете.

Взгляд со стороны. Взгляд изнутри.

Дискобол

На площадке тренировались метатели диска. На носу были соревнования.

Среди занимающихся затесался с виду непримечательный Инрид. Но выделял его один факт: врожденная неудача. К немалой досаде тренера, ни разу за год занятий он не сделал ни одного упражнения правильно.

Возникает закономерный вопрос: «Почему тогда его держат в секции, тем более на скамейке запасных?». Всё просто. По недавно принятому закону, секция имеет право на существование, если в ней будет не меньше 30 человек.

Начали нарабатывать бросок, и Инрид не вытерпел, попросил позволить дать ему последний шанс, рискнув всем.

Тренер долго не решался и не соглашался на увещевания, но, в конце концов, махнул рукой: поступай, как знаешь, а со своей стороны решил присмотреть.

Обрадованный, тот выскочил немедля, предварительно проведя разминку, на площадку. Обсыпал ладони тальком. Глаза лучатся – как долго он ждал этого момента!

Сделав разводку руками, и, вспомнив, чему учили, взял диск и, взмолившись, чтобы получилось, крутанулся и, что есть силы, запустил диск в полет.

Разинутые рты. Изумленные глаза тренера.

Диск взлетел высоко и по нужной траектории, не отклонившись, как обычно, в сторону, вознамерившись прорезать небо.

Сколько потом не искали, так и не смогли найти, но с тех пор в начале каждого дня где-то далеко появляется этот диск, плавающий в магнитном поле, который живущие там называли Солнце.

Аквариум

Небо мешается с землей, и нет дна, нет начала, нет конца, нет завершения, нет зарождения: одно перетекает в другое.

Наталкиваясь на невидимые края, врезаясь в прозрачные грани, понимаешь, как видимое плывет волнами, и что ты тоже состоишь из волн.

Спектры цветов смешали между собой с разной частотой. Таким образом, например, глаза – это несколько зажатых, обрезанных, смешанных звуковых волн в цвете.

В них есть обитатели, заполняющие пустоты и покоящиеся в самой толще. Стремятся ко дну, но, достигнув его, не пробьют. А выйдет иначе, то цивилизация накроется.

Сверху сыпется корм, и рыбы устремляются к поверхности.

Что за ней? Поджидает ли хищник или ждет невообразимое?

Стекло надежно лежит на стенках аквариума.

Взгляд вовнутрь

Вереницы людей, машин и зданий с воткнутыми по сторонам дороги деревьями, как кольями, идут караваном через глаза и проваливаются в пропасть.

Им не обойти.

Мне не избежать.

Что-то тащат, пристроив на спине, складывая изредка вовнутрь, чтобы больше влезло и сваливают, что накопили в горы. А там... Чего там только нет!

Вот виденные кем-то глаза девушки, еле успевшей запрыгнуть на отходящий от остановки автобус. Спасибо водителю. А вот мужик идет в поношенной куртке и взъерошенный. То ли злится, то ли не выспался – не понять. Чьи-то воспоминания.

Сколько информации!

Где-то внутри меня, как в сейфе, хранится принадлежащее мне и только мне. Уникальное.

То, что не перемешивается с остальным, позволяет взглянуть на мир под уникальным углом, углядеть закономерности, сравнить.

Увиденные девушки формируют образ будущей невесты, как части мозаики. Рассказанные истории учат на ошибках. Прочитанные книги дают ответы на возникшие вопросы – все же опыт поколений, как-никак. А что не найдешь, – подскажет жизнь.

А веренице той конца и края не видать.

Размытые видения.

Всесожжение

Огонь олицетворяют с жизнью и, так или иначе, а мы горим. Кто ярче, кто тусклее. От чувств, от того, что накопил, от идей или поступков своих, или по отношению к себе.

Блуждающими огнями, подобно призракам, населяем жилища, строим дома, что-то делаем.

Обладая немалыми способностями, сотворили из ничего плен и теперь страдаем от этого.

Наступает день, и сообщество решает, кто будет сегодня жертвой, кто разнообразит серую лужу, дабы уйти от сумасшествия, но еще больше погружаясь в него.

Ночью раны залечиваются и все по-новой.

Бесконечная пытка.

Никто не уйдет не обожженным.

Опустошение

Выжатый лимон – так чувствую. Словно выкачали силы. И жизнь заодно с ее энергией. Шел, шел по земле и вдруг провалился по шею в песок. Не пошевелиться.

Я смотрю, но увиденное – это картина с выцветшими красками. Хочется стереть память, лишиться сердца, обрезать уши и залить воском, чтобы ничего не слышать.

То, что годами хранил, лелеял, преподнес, как дар и...это все было оплевано...низвергнуто...разбито...осмеяно...

Внутри пустота. Ничего не хочется делать. Слова, обращенные мне, выбивают неразборчивое эхо.

Ничего.

Ничего, ничего... Будет праздник и на нашей улице.

К хорошему не привыкать...Но как же больно!..

Еще одна рана.

Вечная любовь

Ей ни разу не дарили цветы.

Никто.

Стоило только придти или оказаться поблизости как те, кто мог бы стать её кавалерами убегали, делая охраняющие знаки или падали замертво, чтобы уже не подняться. Горевала в тоске и муке невыразимой долгие годы красна девица, пока, однажды, не нашелся молодой человек, разглядевший и с первого взгляда влюбившийся в неё. Но, подарив цветы, упал и он, как многие до него.

С тех пор она взрывает себя в небе, жажда вновь ощутить полноту испытанных тогда чувств, чтобы ими попытаться как-то заглушить своё горе, возвещая о наступлении нового дня.

Замалчивание

Исписанные стены домов и подъездов позволяют составить полное мнение о жителях города и того, чем они живут.

Если попробовать объединить их, то получится примерно следующее:

Живем хорошо. Квартира, вода и электричество – есть и надо что-нибудь съесть, а в кармане лишь на колбасы 200 грамм и хватит.

Нарушая сроки и технологии из-за скупердяйства руководства, не вовремя дают отопление, ведутся работы или не ведутся вовсе.

Налоги платятся, но средства не доходят до узла распределения, и стоят осевшие, текущие крыши, старые стояки в подъездах. Внедрение новой, пусть и полезной вещи, воспринимается в штыки – за версту тянет вымогательством.

Нажива, погоня за деньгами захватила умы, опустошила сердца.

То, чего у нас оставались бесценные крохи, теперь продаем, ищем покупателя, который дает большую цену, накручивая больший процент.

С телеэкранов и по радио вещают о таких мировых напастях, что собственные беды и не кажутся уже таковыми. Позитивный настрой – это, конечно, хорошо.

Но проблемы не решаются.

О них просто не говорят.

Песочные часы

Горы разрушаются. Подобно им, мельчаем и мы. У всего есть свой срок.

Два сосуда соединены узкой горловиной, один из которых заполнен песком, измеряют и отсчитывают время.

Попытки замедлить не помогут: песок будет течь сквозь пальцы, и будет казаться, что с каждой минутой этот процесс происходит быстрее.

Когда он осыпется полностью, пружинный механизм перевернет с ног на голову и всё повторится снова.

Ветер носит слова, усыпая ими огромные пространства, создавая величественные барханы, нанося многочисленные движущиеся дюны – то, что останется от нас и что сохранилось от предыдущих поколений. Глубину наноса не измерить.

Душевно поют пески пустынь.

Шестой Океан

Волны стегают натянутый атлас светло-синего цвета, вырастая и обрушиваясь на видную только им сушу – бывшее морское дно.

Белые острова мирно плывут, уносимые ими. То вместе, то порознь, они образуют причудливые сюжеты, знакомых животных, нарисованных в специфическом стиле и, реже, людей.

Ох уж этот человеческий глаз и воображение.

Пещера

Маук сидел в пещере и грыз кость. Зубы впивались и отрывали кусок за куском прожаренное на костре мясо тигра. На пару дней хватит.

Маук жил этим моментом. Желудок урчит от удовольствия после двух дней голодания и безуспешного выслеживания добычи. На плечах у него висела, защищавшая от утреннего и вечернего холода, шкура убитого животного.

Сильные руки, привыкшие карабкаться по деревьям и скалам, держать копье и душить добычу, грелись у костра, в отсветах которого была видна куча уже обглоданных костей, а по стенам и потолкам гуляли мамонты, неслись табуны диких антилоп. Вот саблезубый тигр валит на землю травоядного. А вот некогда соплеменники Маука устраивают засаду.

Во вход пещеры смотрят холодные звезды, и огромный мир ждет своего исследователя, но Маук знает, насколько опасна темнота. В ней не видно добычи. Там добычей становишься сам.

Он сидит рядом с костром и не выйдет за границу света: слишком хорошо помнит Маук, чем это закончилось для жены и сына, когда уже ничем нельзя было помочь.

Прощание

Сборы были недолгими. Взяв ручку, блокнот, телефон и надев пальто с шапкой, вышел за порог. Прокрутив в голове не забыл ли чего, вернулся за бутылкой с соком и наушниками. Закрыв дверь на врезанные замки и шпингалет. Посмотрел на часы.

«Как всё достало» – подумал он, и, повесив табличку, ушел в себя.

Надежда

Посмотри на неё. Она лежит на столе, брошенная, забытая. Осевшая пыль покрывает толстым слоем, грязные пятна разбрелись по белому.

Местами различаются отпечатки грязных, обмазанных жиром пальцев, перегибы, разводы, потертости.

День за днем ты обходишь стороной её, как прокаженную, провинившуюся в твоих глазах, словно пройденный этап.

Но отчего-то, почему-то, однажды наступает момент, когда не находишь утешение в словах друзей, родные бессильны помочь, а самому не получается подобрать мысли мотивации, взглянуть с оптимистичной стороны на свалившиеся трудности.

В тот миг, пребывая в задумчивости, переводя взгляд на привычный интерьер комнаты, при приглушенном свете лампы бережно возьми, обними её, прижми к себе, согрей теплом своих ладоней и тогда, погасший было свет, разгорится и в тебе с новой силой!

Тетрадь

В неотрывно смотрящих глазах отражался горящий дом. Весело потрескивают дрова, одаривая, поблизости оказавшихся, теплом. Многое, многое вспоминается.

Занялась неохотно крыша.

«Забрался в такую глушь. Ни человека рядом. Лес. Птицы поют по утрам. Красота. А прошлое навевается воров, вскрывающим зажившее. Не получается никак отпустить.

Покоя не стало. Поначалу – тишина, отдыхал от людей. Почувствовал, каким воздухом в городе дышал, сколько времени ушло безвозвратно на мелочи, сколько нервов было растрачено по пустякам.

Какая озлобленность вырывалась из окружающих по любому поводу – хотели, чтобы их не трогали, не беспокоили».

Загорелись стены дома. Ничего не видно от дыма.

«Здесь оправился, излечился душой, стал частью этого уголка.

Одиночество, к которому можно привыкнуть, притерпеться, его даже можно полюбить, переросло в давящую глыбу, постоянно увеличивающую вес.

Не с кем поделиться впечатлением от увиденного замерзшего водопада, падающего с большой высоты удивительной чистоты сосульками, фотографиями крупных экземпляров рыб и дичи.

Некому рассказать, каких усилий стоило подкрасться к зверю или дотащить тяжеленные бревна сосновые до места стоянки».

Лопнули стекла.

«Снова потянуло к людям. Зачем? Для чего?

Когда произошли перемены во мне: начал избегать трудностей, следовать чужому мнению, перестал чувствовать, что жив? Нет, не таким я представлял себя».

Внутри резвится огонь, вырываясь из оконных проемов.

«Помню каждый замер, отпил бревен. Запах стружек и смолы въелся в кожу.

Смотрю и не знаю, чего больше: облегчения, свободы или сожаления. Десять лет в нём прошли как-никак. Я буду скучать по этому времени.

А сейчас я даю себе обещание, что прошлое остается тут навсегда и не возвратится в мою жизнь. Отныне начинаю жить с чистого листа по своим правилам.

Некоторые вещи давно пора бы понять».

Очертания скрылись в огне, улетая искрами в небо, напоминающими дни, наполненные счастьем и Ярослав, не оглядываясь, зашагал прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.